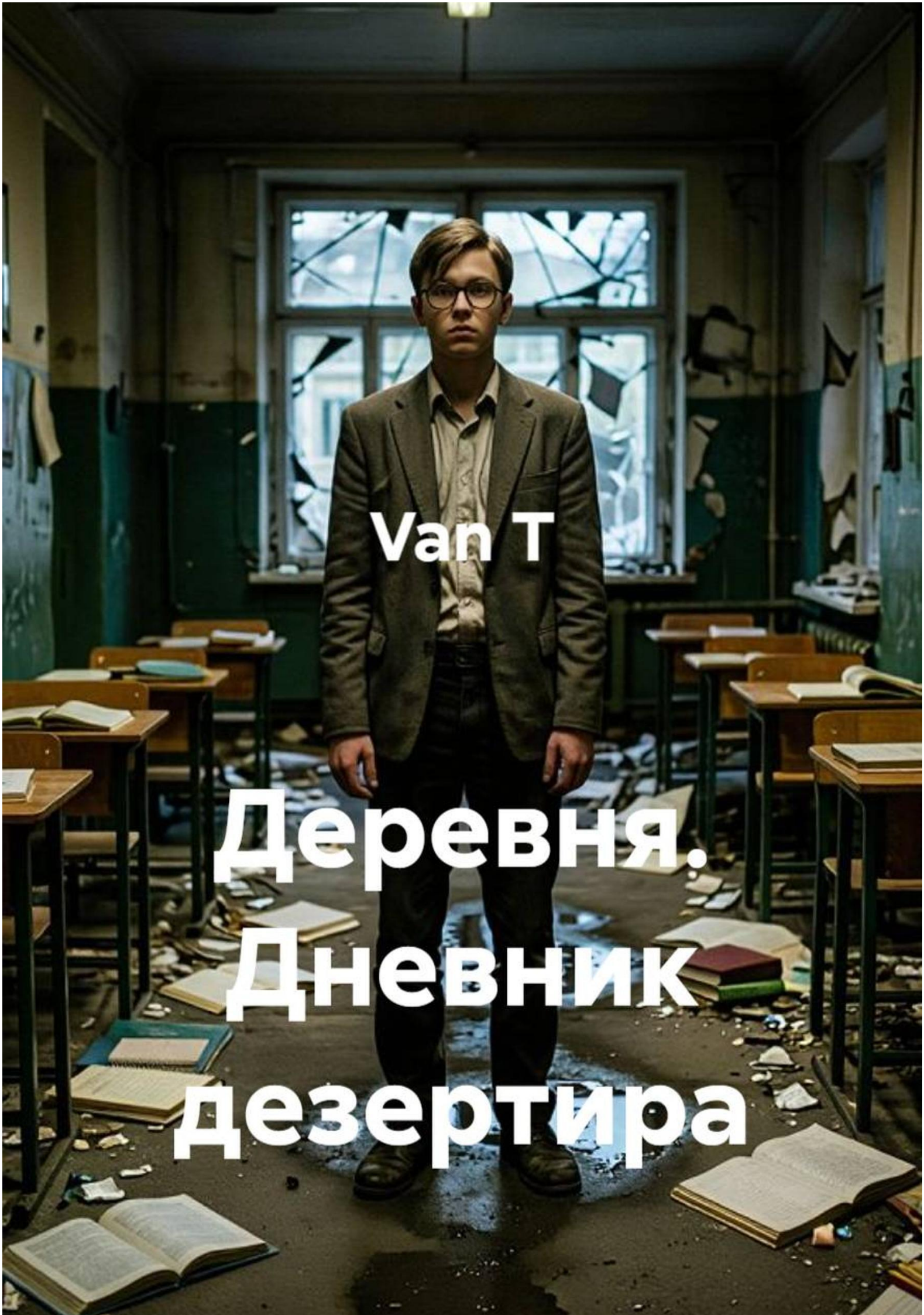

Van T
Деревня.
Дневник
дезертира

Van T

Деревня. Дневник дезертира

«Автор»
2026

T V.

Деревня. Дневник дезертира / V. T — «Автор», 2026

Деревня, дезертирство и никакой надежды на спасение. Что бывает, когда интеллигентный парень попадает в провинциальную школу 90-х? Настоящий ироничный мемуар-дневник. История о выживании, где единственный союзник — коллега с колодой карт, а вокруг сплошные враги. Черный юмор, абсурдная постсоветская реальность и педагогика без правил.Написано человеком, выжившим в тех условиях лично. Без участия ИИ и сочувствия к читателю.Читать на свой страх и риск. Слабонервным и учителям не рекомендуется.

© T V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Педагогический десант в глушь 6
ГЛАВА ВТОРАЯ. Первые уроки просвещения 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Van T
Деревня. Дневник дезертира

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Педагогический десант в глушь

Пошел я туда с другом. Его имя - Коллега. В тот день, когда я и Коллега, обливаясь потом, взобрались на вершину горки, перед нашим взором предстала жалкая панорама села. Видимость была скверная: все печи в селе дымили, а далекий, но острый навозный запах уже начинал щипать наши и без того воспаленные от дум глаза. В общем, первые впечатления получились весьма скверные.

До той поры сердца наши предательски молчали. Но вот стали меня мучить смутные сомнения о чем-то безвозвратно обретенном...

Когда два юных педагога, т. е. мы с Коллегой, впервые прошлись по заросшей, непроторенной тропинке, ведущей в школу, шаги наши были тверды, и руки не дрожали, несмотря на то что мы были искренне удивлены изобилием свиней и полным отсутствием детей.

Здание школы не нуждается да и не поддается подробному описанию, так как ремонт, сделанный полмесяца назад, уже существовал только в воспоминаниях тех, кто мельком видел его в течение очень короткой, но целеустремленной жизни: ребята, учащиеся в школе, и те, кто пришел им на помощь, вложили большие усилия, чтобы испортить то, что с меньшими усилиями попытались сделать ремонтники. Все, что напоминало о кратковременном присутствии последних - это картинки на стенах, как будто сделанные художником-дилетантом, у которого в палитре имелась лишь темно-зеленая краска.

Главной достопримечательностью школы был кабинет директора. Но до описания ее кабинета нужно подробнейшим образом приостановиться на образе «босса». Ни для кого не секрет, что не всегда наши желания совпадают с возможностями. Так вот: мне всегда кажется, что именно этим набором слов можно свободно выразить строение и выражение лица директора единственной средней школы того села. Мне до сих пор вспоминается её кислая физиономия, и каждый раз при этом воспоминании у меня начисто пропадает всякое желание занимать ответственные посты. Не могу забыть, как она нам представилась. Сначала, вытаращив глаза, промолчала несколько минут, потом неожиданно вздула губы и быстро произнесла имя и фамилию своего брата, при этом посмотрев на нас вкрадчиво и лукаво, сгорая от сладкого ожидания фурора, который, по ее мнению, должно было произвести на нас оно. Мы, право, не знали, что за имя и что от нас требуется. Поэтому и наш экстаз длился намного короче, чем она планировала. А по правде, разве можно назвать экстазом то стыдливое молчание, в которое мы погрузились, стремясь понять: то ли это экзамены и мы уже провалили их, то ли это розыгрыш, просто шутка, и вот-вот откроются для нас объемистые объятия Шефа, и она с огромной радостью объявит всему коллективу о прибытии двух новых молодых специалистов. Но шутка уж чрезмерно затягивалась, и, вопреки всем нашим ожиданиям, Шеф сильно обиделась, а ее кислая мина стала еще кислей. Тут я признался, что, кажется, знаю, по крайней мере мне так кажется, что знаю (слово «кажется» я всячески старался подчеркнуть), что это за имя... Но на всякий случай наотрез отказался от последующих объяснений. Как всякий здравомыслящий человек я, конечно же, приберег для неожиданных поворотов судьбы несколько вариантов расшифровки, но мне отнюдь не казалось, что, распространяясь на эту тему, я не усугубил бы наше и без того незавидное положение. А кроме того, есть у меня железный принцип жизни (кстати, он мне очень помогает и на этот раз тоже выручил) - не разглагольствовать на незнакомые темы.

Как ни странно, мое «чистосердечное» разрядило напряженную обстановку: у всех на лицах расцвели облегченные улыбки, а Шеф оценила мой самоотверженный поступок и от последующих вопросов воздержалась, удовлетворившись своим спасенным самолюбием. Только много лет спустя мы узнали, что ее брат, который был в свое время самым настоящим ярко выраженным натуральным блондином и который промышлял в настоящее время какими-

то темными делишками пес знает где, является семейной реликвией и его должен знать каждый вшивый пес, если хочет вступить в какой-либо, пусть даже не самый тесный, контакт с его сестрой.

Лишь после вышеупомянутого обряда вошел в свои русла обычный деловой диалог с целью поближе познакомиться. Шеф высказала все свои концлагерские требования и наотрез отказалась выслушать, а после, когда выслушала, выполнять наши. Еще через три часа она пообещала подумать над их выполнением. Вот тогда-то у нас была уйма времени оглядеться и даже детально изучить мельчайшие подробности ее кабинета, так как она, оказалось, очень медленно и мучительно думала. Мы сидели на не очень-то удобных стульях, по всей видимости специально так сделанных, чтоб никто долго не засиживался у Шефа в гостях. Но наше дело требовало от нас жертв. Стульев было двенадцать, и Коллега шепотом высказал очень даже логическое предположение, что все они были забракованы и списаны после съемок фильма «12 стульев» и присланы сюда для пополнения фешенебельности «изысканно» обставленного кабинета Фрица (с первых же минут знакомства с Шефом Коллега нашел для себя правильное применение этого слова). Я оценил логичность его предположения, тем более что уж очень подозрительным показался мне затасканный вид вышеупомянутой мебели. Но я обратил его внимание, тоже шепотом, на то обстоятельство, что на стульях не видны следы кирзовых сапог 49-го размера, оставленные Предводителем дворянства, короче - Кисой, который промахнулся, давая пинка под зад алчному попу, который, если помните, всячески старался аналогично угощать своего закадычного друга, выкладываясь по полной и стараясь не поддаваться соблазну удирать. Коллега стал хмуро и задумчиво смотреть на стулья и не задавал больше дурацких вопросов, что позволило мне изучить всю мимику той, от которой зависела наша дальнейшая судьба. Чертами лица, а тем более строением черепа она вправду походила на фрица, но для совершенного сходства недоставало чугунной германской каски со свастикой. Она сидела в позе, во многом напоминающей роденовского мыслителя. Все ее тело и осанка свидетельствовали о том, как тяжело ей поддаются мысли, как медленно она изучала все «за» и «против», прежде чем сказать «Да». У меня было мелькнуло, что если бы все представительницы прекрасного пола были бы так бдительны и неподдаваемы прежде, чем сказать это роковое для многих из них слово, то людей наверняка стало бы намного меньше. Думаю, я утонул бы в изобилии такого рода ненужных, но до тошноты липких мыслей, если бы Шеф вдруг не привстала, сказав, что она больше не в состоянии думать, да и не хочет обременять себя болезнетворными думами про жилье, про койки и вообще о чем-либо, не касающемся школьного процесса. Правда, после наших долгих уговоров она пообещала еще немного, чуть-чуть подумать об этом дома, но при этом настоятельно посоветовала не ждать завершения своих дум и немедленно решить все проблемы самостоятельно, желательно без ее ведома. Нам ничего не оставалось, кроме как последовать ее совету.

Через неделю у нас были и жилье, и койки, и даже соседи по коммуналке. От наличия последних мы не были в восторге. Такие же или примерно такие чувства они питали к нам. Да, совсем уже позабыл о самом главном: туалет тоже был, но только стоял-то он примерно в нескольких милях. Но вот когда с нашим появлением вокруг дома, где мы жили, стало уж чрезмерно вонять, наш сосед (его звали Вануш) задумался. В один прекрасный день его наверняка осенило, так как он вдруг стал присматривать место для нового туалета. Строил он долго, аж месяц, но когда закончил, его творение превзошло всякие ожидания: побольше и, что самое главное, поближе прежнего. Конструкция чем-то напоминала знаменитые нужники австровенгерской армии. Мы, естественно, обрадовались и стали систематически ходить туда. Впоследствии вонь с окрестностей дома прекратилась. Правда, теперь еще хлеще провонял новенький деревянный домик, но ведь это же естественно? Все привыкли, что такого рода строения должны пахнуть сильно и, самое главное, стабильно, а наши периодические посещения туда способствовали тому, чтоб этот условный навык у сельчан сохранялся.

Так мы начали нашу тихую, творчески обильную жизнь в сельском «Доме учителя», посвящая его благородной цели просветительства армянских сел и поселений.

Впрочем, у этого благородного занятия имелось еще одно, не менее привлекательное преимущество: оно позволяло нам некоторое время не служить там, где просвещение обычно начиналось с команды «смирно», а заканчивалось строевой подготовкой, временно освобождало нас от необходимости доказывать свою любовь к Родине в более тесном помещении, с деревянными койками и под командованием людей, лишенных интереса к педагогическим экспериментам.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Первые уроки просвещения

На следующий день утром я и Коллега привели себя в порядок, насколько это было возможно в условиях, когда вода имела цвет слабого чая, а зеркало отражало не столько человека, сколько его приблизительные намерения. И пошли в школу впервые.

Мы вошли туда уже не как посторонние, случайно забредшие в здание, а как настоящие учителя. Разница между этими двумя состояниями была весьма существенной: в первом случае никто не имел права требовать от нас знаний, а во втором это право имели все, включая детей, родителей и тех, кто вообще никогда не переступал порог школы. Правда, уже вскоре путем сложных проб и экспериментов нам удалось выяснить, что сами дети никаких завышенных ожиданий от нас не питали, поскольку понятия не имели, что такое знания, отродясь их не имели и приобретать в обозримом будущем не планировали. На этом объявленная нами война неграмотности потерпела бесславное поражение, даже не успев начаться. Дети, судя по всему, уже имели окончательное и затвердевшее собственное мнение практически обо всем и не собирались менять это мнение под влиянием какого-то проходимца с меловой пылью на рукаве.

— Ты готов? — спросил меня Коллега.

— К чему?

— К работе.

Я задумался. Вопрос был поставлен слишком широко.

— Конечно, — ответил я.

Дорога состояла из нескольких километров грязи вперемешку с навозом и отнимала непозволительно много времени. Чем-то это напоминало линию фронта: вместо окопов по обе стороны тянулись перекошенные заборы, а вместо артиллерии неистово лаяли собаки. По пути неизменно рождались размышления о том, почему государство, так яростно заботящееся о народном просвещении, совершенно не озабочено сухостью обуви тех, кому предписано нести факел этого самого просвещения.

Нас никто не встретил.

Шеф в своем кабинете коротко, нехотя наставила нас и отправила восвояси.

— Помните, — бросила она, — вы должны быть примером для детей.

— Примером чего? — тихо спросил я у Коллеги.

— Выносливости, — ответил он.

Я написал на доске слово «ЗНАНИЯ» и повернулся к классу.

— Кто знает, что такое знания?

Никто не поднял руку. Я повторил вопрос, придав голосу больше педагогической выразительности. В углу заплакал мальчик. Я решил, что это связано с непререкаемой глубиной поставленного вопроса.

— Знания — это то, что человек получает в школе, — объяснил я.

— А потом отдает? — спросил один ученик.

— Кому?

— Не знаю. Вы сказали, получает.

Мне понравилась его логика. В ней было что-то опасное, но в то же время совершенно здоровое. Я решил перейти к более простому вопросу:

— Кто хочет стать образованным человеком?

На этот раз руки подняли почти все. Я обрадовался, но ненадолго.

— А что для этого нужно делать? — спросил я.

Руки медленно опустились. Выяснилось, что желание быть образованным у детей было, но методов его достижения никто не знал. В этом отношении они были очень похожи на взрослых.

После урока нас вызвали в учительскую. Там уже сидела коллегия, состоящая из нескольких преподавателей, а во главе - Шеф. У всех у них были заостренные и сфокусированные лица, в полной мере излучающие чувство собственной важности.

— Как прошел первый урок? — спросила Шеф.

— Успешно, — сказал Коллега.

— Дети что-нибудь усвоили?

— Безусловно.

— Что именно?

Коллега задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.